«Спартак» – чемпион!

Обязательно и подробно расскажу о нашем первом чемпионском сезоне. Но сначала о том, что этому предшествовало. Двумя сезонами раньше, как я уже говорил, спартаковцы не могли на что-то претендовать по объективным причинам. Не созрели мы еще, что называ- ется, не оперились. Трудно было переплюнуть ЦСКА, «Динамо», «Крылья», и ведь «Локомотив» тогда появился, весьма приличная по тому времени команда. Играла хорошо, дружно.

Принято считать, что с «Локо» непросто играть еще и потому, что железнодорожники действовали чаще в силовой манере, что не совсем привычно для советского чемпионата. Однако факт. Многих прекрасно помню, пересекался, например, с Колей Снетковым – в сборной играли. Витя Цыплаков вообще одно время был партнером по тройке. Он до сих пор работает с детьми в школе «Спартака». А с Валей Козиным долго трудились в Спортко- митете СССР, Федерации хоккея. Воскресенский «Химик» тоже представлял собой грозную силу.

Короче говоря, в сезоне 1959–1960 «благодаря» необычной формуле проведения чем- пионата мы заняли последнее место среди шестерки клубов, а таких шестерок было целых три. Не могу сказать, что «лишние» команды играли, но каждый сезон приносил с собой видоизменения. В определенный период лишь девять коллективов соперничали, в четыре круга бились. Итого – 32 матча каждый клуб проводил.

Нынче шестьдесят поединков в регулярном первенстве, и мне непонятна склонность организаторов к увеличению количества игр. Некоторые боссы хоккея полагают, что тем самым можно и нужно заработать. Но если отталкиваться от цен на билеты, ничего не заработаем. И вообще самоокупаемость сегодня абсолютно несбыточная мечта. В советском чемпионате, к слову, потому и решили сократить количество участников, значительно уступающих в мастерстве мощным конкурентам.

Кстати, забивали в сезоне по 25–30 шайб, были среди нас и рекордсмены, к примеру, Вениамин Александров набросал как-то 53 шайбы, Александр Якушев – 51. А так, для ведущего форварда норма как раз 25–30. Сейчас столько же забивают за 60 матчей.

...Между тем мои партнеры по тройке продолжали учиться в институте. В отличие от них, у меня был диплом в кармане, свободным человеком себя ощущал. И отправлялся с командой на выездные матчи со спокойной душой, можно сказать, без прежних ограничений.

А вот брат и Вячеслав Иванович иногда пропускали хоккейные встречи именно из- за

проблем с учебой. Так, они не смогли поехать по маршруту Новосибирск – Челябинск – Пермь. Их отсутствие как раз пришлось на чемпионский сезон 1961–1962. Слава богу, справились без них, все матчи выиграли. В отсутствие Вячеслава Ивановича выступил в роли центрфорварда. К слову, половину заброшенных шайб привез из той поездки. Когда команда вернулась в Москву, шутя заметил Жене и Славе: «Извините, ребята, вы мне больше не нужны, с другими поиграю».

На протяжении почти всего сезона «Спартак» шел по турнирному пути весьма прилично. Стабильный состав, да и менять основных игроков особо не на кого. Если, к примеру, кто-то из ключевых защитников болел или травмировался, был пятый – Женя Кобзев. Использовали две проверенные пары Рыжов – Испольнов и Кузьмин – Макаров.

Кстати, на чемпионаты мира тоже ездили лишь пятью защитниками, десятью нападающими и двумя вратарями. В целом заявить на игру разрешалось лишь пятнадцать человек. Только на Олимпиаде-68 позволили три пары мастеров обороны. Однако нападающие в том же формате, что и раньше, – три тройки.

Когда, работая в Риге, Виктор Васильевич Тихонов предъявил хоккейному миру четыре тройки, то в Международной федерации пошли навстречу этому новшеству в середине семидесятых. Нынче, как вы знаете, не возбраняется заявлять 25 игроков.

Это как бы необходимое отступление в рассказе о славном пути нашего клуба в том чемпионском сезоне. Мы-то были ограничены в своих кадровых ресурсах. Хотя, считаю, спартаковцы получили серьезное усиление в лице Фоменкова и Кутакова. Появился в составе Булатов.

Увы, в ноябре 1961 года, в разгар чемпионата, нас покинул Фирсов. Кстати, для тех, кто не знает: он наш воспитанник, правда, всего один сезон отыграл в команде. ЦСКА, надо признать, вовсю наседал с переходом Анатолия к ним. Форвард рано женился, проблему с жильем следовало решать. Ему обещали в «Спартаке» дать квартиру всего через три месяца. Не стал ждать Анатолий Васильевич, Тарасов убедил его перейти. По сути, призвали в армию человека. И жилье нападающий получил только годом позже. Все были в курсе предстоящего перехода Фирсова в ЦСКА, секретов никаких. Ничего, однако, в данной конкретной ситуации поделать не могли. После ухода нападающего пришлось искать нового левого крайнего в осиротевшую на тот момент тройку. Ноябрь на дворе, сезон разгонялся. Взяли Глухова Юрия Ивановича, игрока из хоккея с мячом. Добротный мастер, в «Буревестнике» выступал. Рослый, спортивного вида парень. Работал на кафедре физического воспитания МАИ, играл за институтскую команду. Тренер Новокрещенов пригласил его к нам. К баталиям с шайбой Глухов, откровенно говоря, имел смутное отношение – только в институтском коллективе поиграл. Все-таки он достаточно ярко проявил себя на левом фланге третьего звена. Тройка, насколько

помню, выглядела так: Булатов – Валерий Ярославцев – Глухов. В запасных – младший Ярославцев, Прокофьев, Куренной, 1945 года рождения. Того же года был и Витька Ярославцев, совсем мальчишка на тот момент. Два вратаря – Платов, Павлушкин. Повторюсь, стабильный, проверенный состав.

В связи с историей перехода Фирсова в армейский клуб вот что еще хотел бы сказать. Люди в тех же ЦСКА, «Динамо» прекрасно отдавали себе отчет, что, например, звать меня к себе бесполезно. Если у человека имелись предпосылки не служить, его, как правило, не трогали, – не принято было. Ну разве что люди сами проявляли желание, инициативу. Плюс ко всему, не скрою, в то время отношение к армии было достаточно негативное. Любопытную историю, имевшую прямую взаимосвязь с вышесказанным, рассказал как-то мой друг Китаев Дмитрий Васильевич. Какое-то время он работал помощником Бориса Кулагина в «Спартаке». Тот, в свою очередь, разоткровенничался. И передал содержание беседы с Тарасовым. Поселились Кулагин с Тарасовым в одной комнате на сборе. Борис Павлович предлагает Анатолию Владимировичу усилить состав ЦСКА. Мол, давайте заберем к себе Борьку со Славкой, призовем в армию. Тарасов после паузы отвечает: «Хорошо, предположим, заберем. А с кем мы в стране тогда играть будем?!» Вот это государственный подход к подобным делам.

Стоит упомянуть, что чемпионат мира-62 в Колорадо-Спрингс сборная Советского Союза пропускала по политическим мотивам. Хотя, не скрою, очень хотелось там сыграть. Дело в том, что американцы почему-то отказались оформлять визы хоккеистам тогдашней ГДР. И в знак солидарности с немцами не полетели туда чехи, поляки, разумеется, мы тоже. В общем, все участники от социалистического лагеря. Таким образом, пропуская мировое первенство, мы, спартаковцы, отчасти сохранили силы для финишного рывка в союзном чемпионате.

Итак, шесть ключевых матчей оставалось провести в памятном нам феерическом розыгрыше. В них решалась судьба медалей, в том числе золотых. Забегая немного вперед, скажу, удачно отрезок прошли! Те встречи игрались во Дворце спорта «Лужников». Одну за другой обыгрывали команды, «Динамо», например, периферийные клубы. Момент, ставший классикой того времени, многим запомнившийся и до сих пор вспоминаемый людьми, прежде всего, нашего поколения. Динамовец Виктор Тихонов упал на синей линии. Вячеслав Старшинов изящно его объехал, выскочил один на один с вратарем и – забил. Есть победа!

В общем, пока соперники теряли очки в матчах друг против друга, мы выбились в единоличные лидеры. Что явилось в какой-то степени неожиданностью даже для нас самих. Только решающая серия из шести встреч в Лужниках при благоприятном исходе давала какой-то шанс на успех. По ходу этих поединков шанс возрос до вполне реального,

осязаемого. По ходу чемпионата нас, признаться, никто всерьез не воспринимал в плане борьбы за «золото». К завершающей игре с ЦСКА стало ясно: «Спартак» устроит даже ничья, мы на одно очко опережали главного конкурента. Но прежде чем расскажу подробности, сделаю небольшое отступление.

В свое время разговорился о спортивных приметах с нашим тренером Александром Новокрещеновым, вспоминали с ним забавные, характерные нюансы. Ведь спортсмены, хоккеисты не исключение, как ни крутите, люди суеверные. Я всегда, например, шнуровал сначала левый свой конек. В определенной последовательности надевал остальную амуни- цию. Непосредственно перед игрой шел пить кофе, со мной люди здоровались. Мог и не ответить на приветствие, даже как бы не увидеть человека. Из-за чего потом байки возникали о якобы нелюдимости Майорова. Клюшку начинаю готовить, строгать, незадолго, как уже сказал, кофе пил. Затем всей командой идем на лед разминаться. Вот такой у меня ритуал.

До сих пор не знаю, примета была у Вячеслава Ивановича Старшинова или нет. Может, выделиться тем самым хотел. Ремешок его шлема, если кто-то из болельщиков со стажем заметил, часто располагался выше, чем требовалось. Где-то на подбородке. Все-таки склонен думать, партнер мой стремился выделиться. Иначе чем объяснить такую штуку: спартаковские хоккеисты уже вышли на лед, а ворота лужнецкой арены, тем не менее, еще распахнуты настежь. Работники стадиона спрашивают нас: все пришли? Отвечаем: «Нет Старшинова». Спустя буквально тридцать-сорок секунд Вячеслав Иванович выкатывается в гордом одиночестве, конечно, под аплодисменты болельщиков. Ворота арены наконец закрывают, разминка начинается. Это повторялось перед каждой календарной игрой спартаковцев.

В 60-м году мы привезли из Канады новшество и со скрипом внедрили его у себя. За океаном после разминки чистится лед. У нас это делалось только в перерывах между периодами. Директор Дворца спорта «Лужников» Анна Синилкина отчаянно сопротивлялась: мол, что еще за баловство?! Но хоккеисты, побывавшие в Канаде и все видевшие своими глазами, настояли, чтобы и по окончании разминки лед в порядок приводили. Со временем новшество прижилось.

...Хоккейная примета, о которой тоже с Новокрещеновым говорили. Перед заключительной встречей с ЦСКА сезона 1961–1962 годов каждый из нас забрал свои вещи с базы в Серебряном Бору. Чтобы туда уже не возвращаться – это должно было сопутствовать удаче. Подробности судьбоносного для «Спартака» поединка против ЦСКА многие болельщики помнят, знают. Еще за шесть минут до конца мы уступали – 3:4. Мой брат забросил четвертую шайбу, сравнял счет, и «Спартак» впервые в своей истории стал чемпионом СССР. Конечно, радость беспредельная.

К слову, ажиотаж на трибунах как до, так и во время игры сумасшедший. Николай Николаевич Озеров любил в то время комментировать прямо от хоккейного бортика. Так же и в этом матче он работал. Сразу по окончании «золотого» для спартаковцев поединка он подозвал меня. «Боря, скажи несколько слов болельщикам», – просил Озеров. Едва стали беседовать, как стремглав примчалась Анна Ильинична Синилкина: «Боря, пожалуйста, уходи, сейчас здесь столпотворение начнется». Пришлось ретироваться, хотя успел что-то в микрофон сказать в прямом эфире. В те годы, между прочим, не принято было давать интервью после игры, подобное позволяли разве что Озерову.